

С. НЕЧАЕВ

Тайна Черного Барона

Судьба одного из главных руководителей Белого движения генерал-лейтенанта Петра Николаевича Врангеля, получившего в годы Гражданской войны прозвище Черный Барон, сложилась трагически. Он вынужден был эмигрировать, оказался в Бельгии и умер там в 1928 году, не дожив несколько месяцев до своего 50-летия. Что это было? Неожиданная болезнь или политическое убийство? Туберкулез или отравление? Случайное заражение или тщательно спланированная «вирусная атака»?

После потери белыми Крыма барон Врангель оказался в Константинополе, а перед этим он заявил: «Оставленная всем миром обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, оставляет родную землю. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга. Мы вправе требовать помощи от тех, за общее дело которых мы принесли столько жертв, от тех, кто своей свободой и самой жизнью обязан этим жертвам».

После этого Петр Николаевич вступил в переговоры с православными Балканскими странами (Болгарией и Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев) о предоставлении убежища остаткам проигравшей войну армии. В итоге ему удалось организовать переезд людей в эти страны, а сам Врангель со своим штабом в 1922 году обосновался в городке Сремски-Карловци, что в 10 километрах от Нови-Сада, второго по величине города Сербии. Там он поклялся: «Армия — последнее ядро национальной России. Вокруг него собираются все честные русские люди, которые ставят Россию выше партий и лиц. Со дня, когда армия станет орудием одной определенной партии, она перестанет быть национальным ядром <...>. То знамя, которое из рук генералов М. В. Алексева, Л. Г. Корнилова и А. И. Деникина перешло ко мне, я сохраню на чужбине».

Переезд в Бельгию

В сентябре 1924 года барон Врангель преобразовал остатки своих войск в Русский общевоинский союз (РОВС). Он же стал первым председателем РОВСа. Однако уже в ноябре 1924 года он признал верховное руководство РОВСа за великим князем Николаем Николаевичем (младшим), имевшим большой авторитет среди монархистов. Просто Николай Николаевич имел обширные связи среди членов французского правительства, и это должно было способствовать улучшению положения беженцев, большинство из которых традиционно тяготели именно к Франции.

В 1925 году жена, четверо детей и теща Врангеля (его отец Николай Егорович к тому времени уже умер) переехали в Брюссель, а Петр Николаевич с матерью, баронессой Марией Дмитриевной (урожденной Дементьевой-Майковой), остался в Сремски-Карловцах, где среди прочих дел он приступил к редактированию своих воспоминаний и подготовке их к изданию. Затем барон на некоторое время уехал во Францию, а в ноябре 1926 года он тоже прибыл в Брюссель. Там генерал стал работать инженером в одной из брюссельских фирм.

Наталья Петровна Базилевская, старшая дочь барона, потом вспоминала: «Мы только-только перебрались в Бельгию. Родители считали, что нам, детям, лучше учиться в школе на французском языке. У нас был свой дом».

Нежданный гость и болезнь Черного Барона

А в начале марта 1928 года денщик П. Н. Врангеля Яков Юдин вдруг обратился к нему с необычной просьбой: принять в доме на какое-то время его брата, тоже бывшего солдата, приехавшего к нему в гости. Денщик никогда раньше ни словом не упоминал ни о каком брате, но барон согласился. Позднее выяснилось, что этот «брат» был матросом советского торгового судна, прибывшего в то время в Антверпен. Нежданный гость прожил в доме генерала сутки, потом уехал, а 18 марта Петр Николаевич внезапно почувствовал себя плохо.

Сначала лечил Врангеля личный врач барона Вейнерт. Он определил у него грипп (точнее — гриппозное кишечное заболевание), прописал лекарства, но болезнь не отступала. После этого несколько раз приглашались авторитетные бельгийские специалисты. Трижды приезжал из Парижа профессор медицины Иван Павлович Алексинский. Последнему Петр Николаевич жаловался: «Меня мучает мой мозг. Я не могу отдохнуть от навязчивых ярких мыслей, передо мной непрерывно разворачиваются картины Крыма, боев, эвакуации... Мозг против моего желания лихорадочно работает, голова все время занята расчетами, вычислениями, составлением диспозиций... Меня

страшно утомляет эта работа мозга... Я не могу с этим бороться... Картины войны все время передо мной, и я пишу все время приказы, приказы, приказы!»

Диагноз, который поставил И. П. Алексинский, изумил всех — туберкулезный процесс левого легкого в очень активной форме. Анализ слизистой мокроты показал наличие большего количества туберкулезных палочек. А 15 апреля у барона произошел сильнейший нервный припадок: от страшного внутреннего перевозбуждения он кричал около 40 минут «не своим голосом». Одновременно наступило судорожное сокращение мышц тела.

Мать генерала, Мария Дмитриевна Врангель, потом вспоминала: «Это были 38 суток сплошного мученичества! Его пожирала сорокаградусная температура. Он метался, отдавал приказы, порывался встать. Призывал секретаря и делал распоряжения до мельчайших подробностей».

Болезнь стремительно прогрессировала... Был вызван духовник, протоиерей Василий Виноградов, которому после исповеди и причащения Петр Николаевич сказал: «Я готов служить в освобожденной России хотя бы простым солдатом».

25 апреля 1928 года, в 9 часов утра, барон Врангель скончался. Последними его словами были: «Я слышу колокольный звон... Боже, храни армию...»

Ему было всего 49 лет.

Политическое убийство?

Многое казалось странным в неожиданной болезни, скосившей этого полного сил и здоровья человека. Тут же возникло подозрение, что барона отравил тайный агент большевиков. Перед смертью Ольга Михайловна, жена Врангеля, явно чувствуя опасность, старалась оградить генерала от возможных покушений, тщательно проверяла покупавшиеся продукты, но измены в собственном доме предвидеть она не могла.

Умершего похоронили на кладбище Uccle-Calevoet в Брюсселе. Потом, исполняя волю мужа, Ольга Михайловна перевезла тело барона в Сербию, где Петр Николаевич был перезахоронен в белградской церкви Святой Троицы. Деньги на похороны собирали русские солдаты и офицеры. Присылал каждый, кто сколько мог. Хоронили Петра Николаевича «всем миром». За гробом шли его дети, боевые товарищи и друзья. Было возложено более 200 венков. Последние почести генералу отдали и сербские войска. Митрополит Антоний (Храповицкий)¹, возглавлявший РПЦЗ (Русскую православную церковь за границей), потом сказал об этом так: «Похоронами, которые пышностью превзошли даже погребение царственных особ, Господь увенчал его славный путь, воздав ему то, чего лишен он

был в земной жизни. Его уделом были не триумфы, а тяжкий труд и разочарования, зато его похороны из проводов в последний путь превратились в победный марш».

Так что же произошло? Что стало причиной смерти?

Есть версия, что это дело рук так называемого брата Якова Юдихина (в некоторых источниках — Юдахина). В связи с ним возникает ряд вопросов. Во-первых, почему денщик Врангеля никогда не упоминал о нем? Во-вторых, если «братья» даже не переписывались, то как он мог знать о его местонахождении? Как смог найти дом барона? Так вот считается, что именно этот «брат» подсыпал в еду Врангеля какой-то особый яд, вызвавший у барона бурное развитие туберкулезного процесса — той самой скоротечной чахотки, что «сжигала» больного за считанные дни. И точно, при вскрытии в организме было обнаружено большое количество туберкулезных палочек явно внешнего происхождения.

На следующий день парижская газета «Echo de Paris» написала: «Циркулируют весьма упорные слухи о том, что генерал Врангель был отравлен». Якобы Петр Николаевич «еще недавно говорил одному из своих друзей, что ему следовало бы предпринять крайние меры предосторожности в отношении своего питания, так как он опасается отравления». Впрочем, никаких документальных свидетельств на этот счет представлено тогда никем не было.

Кстати, сам Яков Юдихин куда-то загадочно исчез. Ходили слухи, что он отправился в СССР на том же зашедшем в Антверпен судне, где якобы служил матросом его «брат».

Дети барона Врангеля были уверены: их отец умер не своей смертью, а имело место заказное политическое убийство. В частности, Наталья Петровна Базилевская (в 1928 году ей было 15 лет) потом писала: «К несчастью, Советы не оставляли попыток избавиться от отца. И, в конце концов, им это удалось <...>. Неожиданно в один из дней из-за границы приехал родной брат денщика (Якова Юдихина. — *Примеч. ред.*), матрос. Все почему-то нашли это совершенно нормальным — перебраться через границу, отыскать наш домик. Целый день этот матрос находился на кухне, а вечером уехал. Поинтересоваться более подробно, кто он, откуда приехал и куда уехал, никому и в голову не пришло. А отец вскоре заболел. У него был сильный жар. Но доктора не могли выяснить, чем он болен. Говорили, что это скоротечный туберкулез <...>. Сейчас-то я понимаю, что его отравили. Отец промучился месяц. Ему было только 49 лет. Многие не могли поверить, что отца больше нет. Его секретарь получал письма с просьбой заставить врачей удостовериться, что это не летаргический сон. “Не хороните генерала до появления трупных пятен”, — писали сторонники отца.

После его смерти мама осталась одна с четырьмя детьми. Младшему было 5 лет. Другой мой брат учился в университете на агронома,

сестра работала секретаршей. А еще ведь были я, бабушка и дядя. Жили мы на маленькую пенсию, которую дал матери король Александр (король Югославии Александр I Карагеоргиевич. — *Примеч. ред.*). Его потом застрелил какой-то сумасшедший». Аналогичные предположения высказывали и другие дети Петра Николаевича — Елена Петровна фон Мейендорф и Петр Петрович Врангель.

Зачем чекистам было убивать Врангеля?

Предположительно, гостивший в доме Петра Николаевича «брат» его денщика подсыпал в еду генерала яд. По одной версии, это был туберкулин (смесь фильтратов культур микобактерий туберкулеза человеческого и бычьего видов, осажженных трихлоруксусной кислотой), вызвавший у барона инфекционную болезнь легких, которая свела его в могилу в считанные недели.

По другой версии, барон был отравлен палочкой Коха (*Mycobacterium tuberculosis*), микобактериями, описанными в 1882 году немецким микробиологом Робертом Кохом.

В любом случае утверждается, что так называемый брат был агентом ОГПУ, а подсыпанный барону яд был создан в спецлабораториях будущего Управления государственной безопасности. Естественно, до сегодняшнего дня нет ни одного документального подтверждения, что Врангеля отравил «красный агент», хотя в обратном мало кто сомневается. Но зачем чекистам это могло понадобиться?

Чтобы разобраться с этой ситуацией, нужно понять, что делал Врангель в эмиграции и какую роль он там играл с момента эвакуации из Крыма. Как уже говорилось, он был очень важным звеном в системе созданного им РОВСа. В свою очередь, РОВС был стержнем всей русской политической эмиграции и в момент создания объединял до 100 тысяч человек. Целью организации было сохранение Русской армии, взаимопомощь, непримиримая политическая и вооруженная борьба с большевиками. Да, Верховным главнокомандующим РОВСа с 16 ноября 1924 года стал великий князь Николай Николаевич (младший) — «знамя» русской эмиграции (его отец был третьим сыном императора Николая I). Да, делегировав ему это пост, Врангель демонстративно отошел от политики. Но при этом трудно поверить, что фигура генерала Врангеля, бывшего крупным политическим деятелем и потенциальным лидером борьбы против коммунизма, перестала интересовать большевистских руководителей, и в особенности их секретные службы, развернувшие свою деятельность в рядах русской эмиграции. К тому же энергичный, физически крепкий и выглядевший моложе своих лет генерал явно выделялся на фоне постоянных сообщений о критическом состоянии здоровья Николая Николаевича, который был на 22 года старше и так и не назначил себе преемника.

Некоторые историки считают, что у Врангеля имелась своя «личная» секретная организация, внедрить в которую надежного «крота» никак не удавалось, а это значило, что судьба Черного Барона была предрешена...

А может быть, все было гораздо проще...

Конечно, версия о политическом убийстве более всего привлекательна как для историков, так и для читателей. Тем более что большевики никогда не отличались слюнтяйством, и действия их спецслужб включали в себя в том числе и физическое устранение противника, где бы он ни находился. Вот лишь несколько примеров:

7 февраля 1921 года в Китае был ликвидирован атаман Александр Ильич Дутов².

8 ноября 1922 года в Болгарии чекисты смертельно ранили белого генерала Виктора Леонидовича Покровского.

7 апреля 1924 года обманным путем в Китае был захвачен атаман Борис Владимирович Анненков³ (его вывезли в СССР, судили и 25 августа 1927 года расстреляли).

В том же 1924 году в Россию заманили одного из лидеров партии эсеров и руководителя ее боевой организации Бориса Викторовича Савинкова (он был убит на Лубянке 7 мая 1925 года).

Глава украинских националистов атаман Симон Петлюра был убит в Париже 25 мая 1926 года.

В ноябре того же 1926 года в Париже исчез при загадочных обстоятельствах генерал Николай Августович Монкевиц⁴, осуществлявший связь с созданной ОГПУ подставной подпольной организацией «Трест» (тело его так и не нашли, и многие эмигранты подозревали, что он симулировал самоубийство, однако никто не смог это ни доказать, ни опровергнуть).

Новый председатель РОВСа генерал Александр Павлович Кутепов, сменивший великого князя Николая Николаевича, тоже прожил недолго: его похитили в Париже и повезли на пароходе в Новороссийск (на его борту он и скончался 26 января 1930 года от передозировки морфия).

Его сменщика генерала Евгения-Людвига Карловича Миллера постигла та же участь: как и Кутепов, он был похищен чекистами в Париже и доставлен в Москву, где его почти два года продержали во внутренней лубянской тюрьме, а потом расстреляли 11 мая 1939 года.

Этот список можно было бы продолжать очень долго. Но, может быть, в случае с бароном Врангелем все обстояло гораздо проще и никакой «руки Москвы» там не было? Да, за свою жизнь Петр Николаевич ни разу не болел туберкулезом. Однако в самом начале марта месяца он посетил расположенные на севере Бельгии уголь-

ные шахты, в которых трудились бывшие солдаты и унтер-офицеры Русской армии. Известно также, что туберкулез — это «фирменная болезнь» шахтеров. А тогда барон Врангель не только принимал парад своих бывших сослуживцев, но и неоднократно спускался под землю. Там-то он и мог банально заразиться, тем более что до этого генерал уже был серьезно простужен. Это, кстати, факт: 14 января Врангель «заболел инфлюэнцей», имевшей затяжной характер, но температура при этом у него особенно высокой не была. Петр Николаевич ощущал слабость и кашлял. По утверждению личного врача Вейнерта, кашель был «от ларингита (горловой кашель), а слабость — обыкновенное явление после инфлюэнцы». Барону Врангелю пришлось несколько дней пролежать в постели, а потом, еще не совсем оправившись от болезни, он ездил в Люксембург, где посетил кожевенный завод, где тоже работали русские.

В любом случае барон имел предостережение докторов о нежелательности поездки на угольные шахты. И еще одно соображение: если бы у советских спецслужб действительно имелся столь эффективный яд, действию которого приписывается смерть барона Врангеля, то почему это смертоносное оружие в те годы не было использовано против других врагов советской власти?

Точно на вопрос о том, что стало причиной смерти барона Врангеля, наверное, не ответит никто и никогда. Но, как бы то ни было, память о последнем главкоме Русской армии жива, и в последнее время совсем по-другому воспринимаются слова входившего в состав правительства Юга России и умершего в Париже П. Б. Струве: «Петра Николаевича Врангеля нельзя забыть. Его фигура, его поступь, его взгляд, его душевный облик, его душевный образ неизгладимо врезались в память и должны остаться в ней как нечто целое и большое. Врангель должен жить в нашей соборной, исторической памяти как могучий призыв к труду и подвигу. <...> Врангелю были чужды иллюзии. Это был ум строгий и в общем скептический. Но, кроме ума, в нем был дух. И этот дух внушал всей его личности решимость поднять подвиг, как бы труден и безнадежен он ни был с точки зрения человеческих расчетов. Дух Правды и Подвига генерал Врангель завещал нам».

